

Глава 28. Пройденный путь

Чи Шэн слушал, словно сквозь туман — его представления об этом мире только что пополнились новыми деталями. Впрочем, он прекрасно понимал: дела внешнего мира его почти не касались. Пока он находился в уединении гор Даньлин, всё, о чём толковали Гунъи Лин и Ли Сюнь, оставалось лишь далёким фоном, который юноша слушал вполуха, не особо стараясь запомнить.

Зато когда Ли Сюнь принялся расхваливать мастерство Линь Фэйсяня и его владение мечом, Чи Шэн обратился в слух. Верховный старейшина редко демонстрировал истинную мощь, обычно ограничиваясь необходимым минимумом движений. Сравнивая услышанное со своими наблюдениями, он с удивлением осознал, что его собственные познания о наставнике до сих пор ограничивались тем, что тот «красиво играет на цине».

Гунъи Лин, как и следовало ожидать, недовольно скривился и хмыкнул, но возражать не стал.

Чи Шэн, уловив момент, осторожно спросил:

— Молодой господин Гунъи, между вами и наставником... есть какое-то недопонимание?

Чи Шэн и сам понимал: сегодня он искал встречи с Гунъи Лином не без корыстного умысла. Странное поведение меча Чжу Се заставило его всерьёз заподозрить в чем-то Линьлань-цзюня. Хотя юноша и считал себя порой тугодумом, неприязнь Линьлань-цзюня к нему самому и к Линь Фэйсяню была слишком очевидной. Он не хотел винить человека бездоказательно, а потому нуждался в подтверждении своих догадок.

Чи Шэн рассудил, что лучше всего расспросить кого-то из семьи Гунъи — ведь, судя по записям в «Книге вечной жизни», и Линь Фэйсянь, и Линьлань-цзюнь были связаны с этим кланом тесными узами.

Гунъи Лин, не подозревая о тайных планах собеседника, при одном упоминании о Линь Фэйсяне пришёл в неопишумую ярость. Казалось, само соседство их имён в одном предложении было для него тяжким испытанием.

Ли Сюнь перевёл взгляд с Чи Шэна на Ли Ло и озадаченно спросил:

— Ой? Сяо Чи Шэн, неужели ты до сих пор не знаешь?

Чи Шэн замер. В воздухе отчетливо запахло чужими секретами.

Ли Сюнь придвинулся к самому уху Гунъи Лина и, стараясь говорить как можно тише, прошептал — так, что Чи Шэн всё равно всё услышал:

— Ну... это же можно рассказать?

Гунъи Лин резко отвернулся и буркнул:

— Делай что хочешь!

— Кхм-кхм, — Ли Сюнь постучал палочкой по краю чаши, издав мелодичный звон, а затем беззвучно зашевелил губами, что-то объясняя.

Чи Шэн лишь растерянно моргнул. Он не умел читать по губам.

Ли Сюнь досадливо крикнул, поднялся и, склонившись к самому уху юноши, зашептал уже по-настоящему. Чи Шэн изумился, а сидевший рядом старший брат Ли Ло лишь прикрыл рот ладонью, тихо посмеиваясь.

Чи Шэн с нескрываемым сомнением окинул Гунъи Лина взглядом с головы до ног, чем довёл того до предела. Юноша хлопнул ладонью по столу:

— Чего уставился?! В семье такая иерархия! Ты думаешь, я сам в восторге?

Его выкрик мгновенно привлёк внимание всех учеников в зале.

Чи Шэн поспешно отвёл взор и уткнулся в тарелку, пытаясь переварить услышанное. О чём бы он ни гадал, но такого и представить не мог: Гунъи Лин приходился Линь Фэйсяню младшим дядей! И это при том, что племянник выглядел значительно старше «дядюшки».

Потрясло его не только это причудливое родство, но и само происхождение наставника. Оказалось, что Линь Фэйсянь — выходец из той самой могущественной и баснословно богатой семьи.

«Получается, он тоже благородный молодой господин?»

Гунъи Лин раздражённо взъерошил волосы:

— В роду Гунъи полно ветвей, иерархия там запутанная, так что не бери в голову.

Но Чи Шэн уже зацепился за главную нестыковку:

— Но ведь наставник не носит фамилию Гунъи?

Гунъи Лин задумчиво провел подушечкой пальца по поверхности стола:

— Он в нашей семье — весьма своеобразное исключение.

— И поэтому вы его не любите?

— Да нет... не совсем, — Гунъи Лин щелкнул Чи Шэна по лбу, заставив того обиженно схватиться за ушибленное место.

Остаток обеда прошел в молчании. Стоило заговорить о делах клана, как Гунъи Лин становился мрачнее тучи и явно не желал продолжать. Ли Сюнь несколько раз пытался разрядить обстановку, но безуспешно.

Несмотря на это, настроение Чи Шэна заметно улучшилось. Если прибавить к этому то, что вчера Линь Фэйсянь рассказал ему лично, теперь он владел уже двумя секретами наставника. Юноше вдруг показалось, что из-за этой искренности и открывшихся семейных уз Линь Фэйсянь внезапно обрел черты обычного человека. Он перестал казаться таким далеким и недостижимым небожителем.

Закончив трапезу, Чи Шэн попрощался с троицей, намереваясь навестить библиотеку.

— У тебя ведь есть и другие вопросы ко мне, — внезапно окликнул его Гунъи Лин, когда тот уже собирался уходить.

Чи Шэн честно кивнул.

— За столом были лишние уши, я не хотел разглагольствовать, — вздохнул Гунъи Лин.

Хоть он и не враждовал с братьями Ли, но семейные тайны предпочитал держать подальше от чужих кланов.

Они вышли к площади Тайцзи и присели за каменный стол, на котором была высечена шахматная доска.

Глядя, как собеседник перебирает костяшки, Чи Шэн облизнул пересохшие губы и спросил:

— Какие отношения связывают Лансюэ-цзюня и Линьлань-цзюня?

Теперь Чи Шэн всерьез подозревал, что Линьлань-цзюнь тоже может быть из рода Гунъи.

К счастью, Гунъи Лин развеял его сомнения:

— Они просто два бессмертных мастера, поддерживающих школу. Никаких родственных связей. — Заметив подозрение Чи Шэна, он поспешил добавить: — Линьлань-цзюнь не из наших. Не думай, что мы настолько влиятельны, чтобы оба Верховных старейшины были выходцами из Гуньи. Если бы это было так, школа давно бы превратилась в наше семейное поместье. Не выдумывай лишнего.

— Что же до их отношений... Я слышал обрывки сплетен в школе и рассказы старших в семье. Кое-что знаю, но смотри — никому ни слова!

— Много лет назад оба они были учениками этой школы. Оба — выдающиеся таланты, пример для подражания, любимцы всех наставников. То ли они сошлись в поединках, то ли сблизились оттого, что на вершине мастерства одиноко, но тогда они были не разлей вода. Всегда и везде появлялись вдвоем.

— А потом в школе объявился еще один гений. Невероятно одаренный. Ты же можешь представить себе Линь Фэйсяня в юности? Уже тогда он держался особняком, был холоден и неприступен. Но тот ученик обожал задирать его. При первой же встрече они схлестнулись так, что оба едва уцелели — трудно было сказать, кому досталось сильнее.

— С тех пор они стали неразлучной троицей. Весь мир смотрел на них снизу вверх — молодые, дерзкие, блистательные. — Тут Гуньи Лин снова помрачнел, явно уязвленный чужим величием. — Старшие наставники до сих пор помнят их, но никогда не упоминают вслух. То прошлое стало для школы чем-то вроде запретного плода, хотя двое из той троицы видятся здесь чуть ли не каждый день.

Чи Шэн видел, что сейчас Линь Фэйсянь и Линьлань-цзюнь явно не ладят. Но если раньше они были так близки, что же превратило их во врагов?

Он не удержался и спросил:

— Но почему всё изменилось?

Гуньи Лин вздохнул, и в его голосе прозвучала печаль:

— Об этом ходит множество слухов, но правду, боюсь, знают только они сами. В один роковой момент Линьлань-цзюнь первым разорвал все связи. Линь Фэйсянь потерял память, а тот юноша, третий из них, внезапно исчез прямо перед выпуском. Исчез бесследно, и больше о нем никто не слышал. О причинах можешь гадать сам.

Слушая Гуньи Лина, Чи Шэн опустил голову и едва слышно спросил:

— Кем был тот юноша?

Гунъи Лин лишь развел руками:

— Темная личность. О его происхождении спорят до сих пор. Но если тебе и впрямь так любопытно... Я слышал, в библиотеке есть книга, где он упоминается. Можешь поискать там.

Попрощавшись с Гунъи Лином, Чи Шэн отправился в Павильон Хранения Писаний.

Памятуя расположение стеллажей, он медленно шел вдоль рядов, перебирая корешки книг.

Ему не пришлось долго искать: вскоре на привычном месте он увидел «Книгу вечной жизни». Она стояла точно там же, где и в прошлый раз.

Сняв её с полки, он нашел свободный стол в углу и, сдерживая волнение, открыл обложку.

Когда он листал её впервые, сердце его оставалось спокойным — он не придавал значения содержанию. Всё изменилось, когда он увидел, как Линь Фэйсянь в Мире Водной Луны смотрит на эту самую книгу.

Точнее, не на саму книгу, а на её призрачное отражение в иллюзии.

Он сразу перешел к разделу, посвященному школе Даньлин. Тот находился в самом начале, и Чи Шэн принялся жадно вчитываться в каждое слово.

Гунъи Лин обмолвился, что записи об их троице хранятся именно здесь. Вспомнив, как Линь Фэйсянь пытался скрыть книгу в водном зеркале, Чи Шэн почувствовал: в ней кроется некий особый смысл.

Соперник, равный Линь Фэйсяню по силе... Друг, появившийся в годы юности... Человек, окутанный тайной... Чи Шэн ощутил укол безотчетной тревоги.

Он вел пальцем по строчкам, сосредоточенно ища упоминание о том таинственном ученике, пока наконец не наткнулся на краткий фрагмент:

«... Был среди них некто из рода Линь, благородный муж, чей облик был светел и изящен. Когда он шел по лесу, расцветали цветы, и одного мимолетного взгляда на его ослепительную красу было довольно, чтобы я навеки пал в пучину земных страстей...»

На всех страницах, что просмотрел Чи Шэн, это была единственная фраза о нем. Удивительно, но автор не описывал ни его таланта, ни мастерства владения мечом — это было похоже скорее

на страстное поэтическое признание.

Всё это казалось крайне странным. Писавший использовал первое лицо, описывая чужую красоту — неужели это был один из тех самых учеников?

Но еще более поразительным было другое. Прямо рядом с этим абзацем, на полях, виднелась приписка, сделанная тонкой кистью из волчьего ворса. Почерк был каллиграфически безупречен, а буквы — совсем крошечными.

«Почтение пройденному пути, верность тем, кто разделил его».

Нигде не было имени, лишь загадочное «некто из рода Линь».

«Некто из рода Линь»... Значит, в его имени был иероглиф «лес»?

Линь Фэйсянь. Фамилия Линь.

Гунъи Лин. Фамилия Гунъи.

Чи Шэна внезапно осенило. Гунъи Лин сказал, что Линь Фэйсянь — «особое исключение» в их роду. Что, если он отказался от родовой фамилии и взял себе имя «Линь» в честь того самого человека?

Он поспешно собрал вещи и, оформив выдачу «Книги вечной жизни» в библиотеке, помчался к себе в Демонический сад.

В комнате стоял резкий запах — это его сосед Юнь Нин возился с многочисленными склянками, выполняя домашнее задание.

Едва переступив порог, Чи Шэн бросил книгу на стол и, выдвинув ящик, выхватил свой учебник — «Введение в искусство игры на музыкальных инструментах». Он лихорадочно листал страницы, пока не замер на одной из них. Внимательно всмотревшись, он перевел взгляд на пометку в «Книге вечной жизни».

Чи Шэн словно окаменел.

Заметки в его учебнике были сделаны рукой Линь Фэйсяня прямо на занятиях.

И эти восемь иероглифов в «Книге вечной жизни» были написаны тем же самым почерком.

«Почтение пройденному пути, верность тем, кто разделил его». В самой фразе не было ничего

предосудительного.

Но она была написана сразу после того признания таинственному молодому господину Линю — признания в любви, заставившего чье-то сердце «пасть в пучину страстей».

Как бы Чи Шэн ни пытался себя успокоить, слова застряли у него в горле.

Ему стало невыносимо горько.

<http://bllate.org/book/17515/1659730>